

«Я влюблен в осень»

Клоун, мим, артист кино, боксер, Леонид Енгибаров прожил до обидного мало, однако отмеренный судьбой путь прошел честно, талантливо, достойно. Помнится, как им восхищался Марсель Марсо, как московская и ереванская публика стремилась непременно побывать на его представлениях в цирке, огромный успех имели его мимические новеллы «О смешном и грустном».

Одна пражская газета после гастролей назвала его «клоуном с осенью в сердце». Грустным клоуном. Но не забудем: осень — пора душевной зрелости, открытий. А их на счету Леонида Енгибарова множество. Нередко он сам писал свои сценарии и репризы. Им написаны сотни новелл,

рассказов, дневниковых страниц.

Вот его собственное признание, занесенное в записную книжку: «Писать трудно. Надо, чтобы написанное приносило не меньше пользы, чем зеленое дерево, из которого сделана бумага.

Теперь вы понимаете, почему я волнуюсь, когда беру стопку чистой бумаги. Это очень нелегко — приносить такую же пользу, как зеленое дерево».

Я рад сообщить читателям, что в Ереване, в республиканском издательстве «Советакан грох» готовится к выпуску книга повестей и миниатур народного артиста Армянской ССР, лауреата всесоюзных и международных конкурсов Леонида Енгибарова «Последний раунд».

Рачия КАПЛАНЯН,
народный артист СССР,
лауреат Государственной премии СССР.

ПРОСТО ТРЮК

В цирке люди делают сложнейшие трюки.

Они летают под куполом, жонглируют десятками предметов и еще стоят на руках, и этому, я утверждаю, особенно трудно и сложно научиться.

И сложно это не только потому, что по ночам у вас будут болеть плечи от бесконечных тренировок, распухать кисти рук и наливаться кровью глаза...

Все это, конечно, тяжело, и все-таки это рано или поздно забывается. Вот только одно никогда не забывается: когда ты стоишь на двух руках, медленно отрываешь одну руку от пола и понимаешь, что у тебя на ладони лежит земной шар.

ДИПЛОМ

Мать долгих двадцать лет мечтала, чтобы ее сын был «не как все». Сама она родилась и выросла в Марьиной Роще, и все у нее было в общем как у людей: трудное детство, восемь сестер и братьев, война и муж, погибший на фронте, и голодные послевоенные годы — все, как у людей — обычных людей из Марьиной Рощи, и страстно хотела она, чтобы сын ее был «не как все».

Правда, фантазии матери в выборе профессии для сына дальше переводчика в посольстве не шли. Да и трудно это, тренировать фантазию, когда, едва тебе исполнилось двадцать лет, — ты уже шьешь по двадцать часов в сутки vareжки с одним пальцем на правой руке (такая уж мода была во время войны). И когда эта мода прошла и Марьяна Роща снова зацвела своими скверами, мать за те десять лет, пока не срубилась ясени и не поставили серые кооперативные коробки сумела вырастить сына в маленьком зеленом Десятом проезде. На последние гроши покупала книги, для которых у самой никогда не хватало времени. Нацепив очки, она шептала малознакомые прекрасные имена на обложке: Куприн, Стендаль, Андерсен, и уж очень трудное, самое трудное Ан-ту-ан-де-Сент-Экзюпери — господи, разве выговоришь?

А сын вырос, по старой традиции Марьиной Рощи, прекрасно бил обеими руками не только на ринге, был дерзок и

смел на экзаменах в своем каком-то непонятном, то ли театральном, то ли еще каком «искусственном» институте. Старые профессора ставили в пример его скромность, талант и воспитанность, они не удивлялись, что его мать кончила всего четыре класса: они видели ее руки.

И для матери наступил счастливый день: сын, который и зарабатывал неплохо, и наматывался на него соседи не могли, наконец сделал для нее главное — принес то, что она долгие годы ждала, то чего не имела она сама и ее подруги: диплом о высшем образовании.

Мать стояла на пороге у корыта, а соседка тетка Фрося села на скамье и лузгала семечки, когда сын, пританцовывая, шутовато бросил матери бордовую книжку: «Держи, mal Все!»

Она вытерла руки, раскрыла диплом, и непрошеные слезы искривили двор и тетку Фросю на лавочке.

— Что там такое? — поднялась тетка Фрося.

«Клоун», — прочла мать дрожащими губами, а тетка Фрося, обнимая ее, сказала: «Ну чего ты расстраиваешься, небось это тоже профессия».

ПОСЛЕ КОНЦЕРТА

После концерта я ужинал в маленьком ресторане. За соседним столиком встали, закончив ужинать, мужчина и женщина. Нерешительно они подошли ко мне.

— Простите, пожалуйста, — сказала она, — большое вам спасибо за сегодняшний вечер в театре. Это вам. — И протянула мне огромную красную розу на длинном стебле, в зеленой чашке.

Я поблагодарил и вышел на вечерний Главный проспект.

Я решил кому-нибудь подарить мой чудо-цветок. Я не мог отвести его домой, ибо он только подержал бы убожество моей холостяцкой каморки.

Навстречу шла девушка с длинными ногами, в легком весеннем платье. Я осторожно сделал шаг в ее сторону, вежливо извинился и с улыбкой протянул ей благоухающий цветок. Она ответила что-то вроде «ходят тут еще всякие» и пошла своей дорогой.

Я подумал, что, может, у нее

неприятности или она неправильно поняла меня, и решил подарить розу женщине постарше. Я выбрал женщину средних лет с хозяйственной сумкой, извинился, протянул ей похожий на факел цветок. Она грустно улыбнулась, покачала головой: «Выбрал бы ты себе, сынок, кого-нибудь помоложе».

Теперь я понял: цветы надо дарить влюбленным. На одной из скамеек, как и на остальных, сидели, обнявшись, парень и девушка. Я подошел к ним: «Ребята, я желаю вам счастья, это от меня». Бедная моя роза... Парень угрожающе приподнялся: «А ну отойдем...».

И опять я остался один. Вдруг мне пришла в голову мысль. Я подошел к пожилому мужчине: «Простите, пожалуйста, верно, это ваша дочь или невестка... Подарите ей от меня!».

— Во-первых, она моя жена! — прогремело в ответ. Что «во-вторых», я не стал слушать.

Я решил, что моя роза никому не нужна. Но вдруг заметил, как на нее смотрят вышневые глазки мальчика. Я присел перед ним: «Тебе нравится? Возьми!».

И я протянул ему розу. Он весело улыбнулся и схватил ручонкой цветок. Я рассмеялся и пошел домой. Метров через двадцать обернулся. Мальчик позвала мама. Он выпустил цветок из рук и побежал на зов.

А красная роза осталась лежать на мокром черном асфальте.

СТРАНИЧКИ ИЗ ДНЕВНИКА

Работа над репертуаром для меня постоянная, ежедневная, ежечасная. Часто говорят, автор должен «наблюдать жизнь», «подсмотреть». Честное слово, я не знаю, что это такое. Я написал около сорока пантомим и пятьдесят реприз и клоунад для себя и других актеров, но ни разу не было случая, чтобы хоть один из сюжетов «подсмотрел».

По моему, «подсмотреть» сюжет — все равно что написать натуралистическую, как раскрашенная рыночная фотография, картину. Все, «как в жизни», и все фальшиво, ибо не привнесено свое «я». Да и не может, на мой взгляд, существовать сюжет пантомимы или репризы в жизни в чистом виде, как не существуют в природе редчайшие и дорогие металлы.

...Почему я, как и многие современные актеры, на арене, в театре и кино предпочитаю молчание? Неправда, разве пантомима молчаливое искусство?

Разве вы не слышите, как стонут руки Марселя Марсо, пытаются разогнуть железные прутья клеток? И вас не огушивает рев толпы после каждого «поворота», трюка, когда мим впервые сражается с быком на корриде? И вам не хочется заткнуть уши от свиста толпы, когда наш герой терпит неудачу?

Мир пантомимы полон звуков и красок. Вспомните в сверкающих блестях костюм укротителя из пантомимы «Укротитель тигров» или замасленную спецовку шофера. Разве можно не заметить аляповатый стиль гостиной в пантоми-

ме «Ее день рождения»? Гремит и грохочет, смеется и аплодирует, шумит вокзалами и поет с эстрады слова любви Огромный Мир. Миму ничего не стоит перенести нас из страны в страну, рассказать о большом и малом, трагическом и смешном.

Как трудно быть комиком — знают только комики.

Уж коль вы так смотрите на мир, чем бы вы ни занимались, вы останетесь клоуном. Мне всегда кажется, что клоунада, или комическая пантомима, или комический фильм средни скалке, где может быть и очень страшно, и все абсолютно серьезно, и грустно, несмотря на счастливый конец. Грустно уже потому, что кончается сказка.

Сегодня происходит смешение жанров. И не только жанров, но и разных по форме искусств. Меня, к примеру, наряду с эксцентрикой, пластическим выражением комического сюжета волнует цвет. Мне всегда его не хватало — на эстраде и в цирке. И потому свои киносценарии я пишу в «цвете», мне хочется «организовать» цвет, как это сделали Клод Лелюш и Жак Дени.

Мне кажется, огромные возможности и новые приключения ждут романтических и смешных героев в цветном мире. Это усилит контраст между трагическим и смешным, выплеснет и раскроет перед зрителем чистые, нежные краски чувств.

...Осень. Я иду по улицам большого города. Уже почти коричневый, мокрый кленовый лист мелькнул перед фонарем и упал к моим ногам. Вот и еще один отдал свои силы, чтобы весной появились зеленые побеги.

Я влюблен в осень.

РУБЦЫ

В гардеробной знаменитого укротителя все необычно. Фотографии его полосатых, пятнистых, черных, как осенняя ночь, и желтых, как пустыня, партнеров. Необычен и он сам, лет сорока пяти, темно-серебряные волосы, высокий, карие смешливые глаза. Он великолепно рассказывает о профессии; в каждом маленьком рассказе о своих талантливых котятках (так он называет пантер, тигров, львов) обязательно находит смешные, забавные происшествия.

Попросив извинения, он переставляется. Снимает роскошный, весь в сверкающих камнях, колет, под ним — обыкновенная спортивная белая майка. Он снимает майку. Я невольно меняюсь в лице: все тело пересекают рваные рубцы. Заметив мое выражение, он смеется: «Нет, это не на работе. Это в сорок третьем, в гестапо».

Не звери — гестаповцы.

ПАДЕНИЕ

Когда я разбился, меня положили в «холодную» палату. Оттуда не выходят, оттуда вывозят на лифте. А я хотел уйти из этого дома по лестнице. Я пытался вспомнить, ради чего стоить жить. Ради солнца? Оно есть у всех. Ради весны? Ради первого снега? Ради майской грозы?

Я выжил. Я вспомнил дрожь твоих ресниц, когда ты прижималась к моей щеке. И понял солнце, весну, первый снег, майскую грозу...

ЕРЕВАН.